

Оригинальная статья / Original article

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-32-44>

К вопросу об особенностях механизма реализации прав на цифровые валюты

Е. С. Туешова¹ ✉

¹Ульяновский государственный университет
ул. Л. Толстого 42, г. Ульяновск 432970, Российская Федерация

✉ e-mail: katyazueva@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В настоящей статье рассмотрены актуальные вопросы трансформации механизма реализации прав в отношении цифровых валют. Отмечается, что цифровая трансформация всех сфер общественной жизни обуславливает необходимость выработки более гибкой концепции механизмов реализации прав, отличающейся в зависимости от объекта их приложения.

Цель статьи связана с выявлением ключевых особенностей, присущих механизму реализации прав в отношении цифровой валюты.

Задачами исследования определены анализ механизма реализации прав в отношении цифровой валюты, а также раскрытие основных проблемных вопросов, связанных с пониманием сущности и выработкой правовых средств, обеспечивающих процесс приспособления законодательного регулирования к особенностям и свойствам цифровой валюты как нового объекта гражданского права.

Методология. В качестве методологической основы исследования использованы диалектический и сравнительно-правовой методы. Методы анализа и синтеза позволили рассмотреть аспекты понятия и содержания механизма реализации прав.

Результаты проведенного исследования позволили сделать определенные выводы в части особенностей механизма реализации прав на цифровые валюты, в том числе об ином соотношении правовых средств и особом месте в нем внеправовых элементов.

Вывод. По результатам проведенного исследования были сформулированы выводы в части необходимости выработки более гибкой концепции правовых механизмов. Было предложено авторское видение по вопросу соотношения составных элементов механизма реализации прав в отношении цифровых валют как следствие снижения роли и значения в рамках последнего позитивного права и преобладающей роли общественных отношений, выступающих в качестве основного, а не вспомогательного средства в рамках такого механизма. Отмечается, что указанный механизм носит переходный характер, что приводит к обнаружению противоречий между классическими правовыми представлениями о «правосубъектности», свободе воли, соответствии воли волеизъявлению и теми формализованными требованиями, которые предъявляет система распределенного доступа к действиям субъекта.

Ключевые слова: цифровизация; цифровая валюта; правовой механизм; механизм правореализации; юридические факты.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Туешова Е. С. К вопросу об особенностях механизма реализации прав на цифровые валюты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11, № 5. С. 32–44. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-32-44>.

Поступила в редакцию 25.08.2021

Принята к публикации 24.09.2021

Опубликована 22.10.2021

On the Question of the Specifics of the Mechanism for the Implementation of Rights to Digital Currencies

Ekaterina S. Tueshova¹ ✉

¹Ulyanovsk State University

42 L. Tolstogo str., Ulyanovsk 432970, Russian Federation

✉ e-mail: katyazueva@yandex.ru

Abstract

Relevance. This article discusses the current issues of the transformation of the mechanism for the implementation of rights in relation to digital currencies. It is noted that the digital transformation of all spheres of public life makes it necessary to develop a more flexible concept of mechanisms for the implementation of rights, which differs depending on the object of their application.

The purpose of the article is to identify the key features inherent in the mechanism of exercising rights in relation to digital currency.

The objectives of the research are the analysis of the mechanism of realization of rights in relation to digital currency, as well as the disclosure of the main problematic issues related to the understanding of the essence and development of legal means that ensure the process of adapting legislative regulation to the features and properties of digital currency as a relatively new object of civil law.

Methodology. The dialectical and comparative legal methods were used as the methodological basis of the study. The methods of analysis and synthesis allowed us to consider the aspects of the concept and content of the mechanism for the implementation of rights.

The results of the study allowed us to draw certain conclusions regarding the features of the mechanism for the implementation of rights to digital currencies, including a different ratio of legal means and a special place in it of extra-legal elements.

Conclusion. Based on the results of the study, conclusions were formulated regarding the need to develop a more flexible concept of legal mechanisms. The author's vision was proposed regarding the correlation of the constituent elements of the mechanism for the implementation of rights in relation to digital currencies as a result of the decline in the role and importance of the latter positive law, and the predominant role of public relations, acting as the main, rather than auxiliary, means within such a mechanism. It is noted that this mechanism is of a transitional nature, which leads to the discovery of contradictions between the classical legal concepts of "legal personality", freedom of will, the correspondence of the will to the expression of will, and those formalized requirements imposed by the system of distributed access to the actions of the subject.

Keywords: digitalization; digital currency; legal mechanism; mechanism of legal realization; legal facts.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Tushova E. S. On the Question of the Specifics of the Mechanism for the Implementation of Rights to Digital Currencies. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2021; 11(5): 32–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2021-11-5-32-44>.

Received 25.08.2021

Accepted 24.09.2021

Published 22.10.2021

Введение

В настоящее время широкое распространение приобрела концепция «правовых механизмов», используемая в отношении самых разнообразных явлений и процессов. Однако представления по поводу сущности и содержания указанного

правового явления не отличаются единообразием, что обусловлено как отсутствием легальных дефиниций, так и несформированностью в правовой доктрине унифицированных юридических подходов. Неразрешенным представляется также вопрос и по поводу структуры пра-

вового механизма. При этом широкое распространение приобрел подход, в силу которого основой правового механизма выступает позитивное право, а все прочие элементы, им не охватываемые (юридические факты, правосознание и т.п.), носят характер вспомогательных [1].

Однако трансформация всех сфер общественной жизни по модели цифровизации формирует принципиально новый запрос в отношении правовых механизмов, которые в зависимости от сферы их приложения приобретают значимые существенные особенности. Происходит процесс сращивания информационно-технологической и правовой сфер, что приводит в отношении областей такого сращивания к трансформации механизма реализации прав и, как следствие, альтернативной концептуализации целей, задач, функции и правовых средств в рамках данных механизмов.

Методология

Применение диалектико-материалистического метода позволило рассмотреть особенности механизма реализации прав в отношении цифровых валют в неразрывном единстве с такими правовыми явлениями, как правовые нормы, юридические факты, правосубъектность, правовые принципы. Применение сравнительно-правового метода позволило выявить отличия, присущие механизму реализации прав на цифровые валюты. Применение методов анализа и синтеза дало возможность обосновать тезисы о необходимости разработки более гибкой концепции механизмов реализации прав, учитывающей особенности отношений, возникающих по поводу такого нового объекта, как цифровая валюта.

Результаты и их обсуждение

Концепция правовых механизмов в доктрине теории государства и права и отраслевых науках сформировалась достаточно давно и к настоящему времени приобрела устойчивый вид. Классиче-

ские представления о правовом механизме связываются с подходом С. С. Алексеева, которым правовой механизм рассматривался в значении совокупности наделенных специальным статусом средств, призванных своими действиями производить достижение определенного результата посредством упорядочивающего воздействия на происходящие в обществе явления и процессы [2, с. 78].

В. В. Гончаров и И. И. Пефитьев придерживаются функционального подхода при рассмотрении правового механизма. По их мнению, данный феномен охватывает «определенную систему средств и факторов», выполняющих ряд функций, включая социальные и прочие функции государства [3, с. 45].

По мнению А. В. Малько, механизм правового регулирования представляет собой совокупность правовых средств, последовательно сформированных в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права. Автор выделяет в качестве значимых свойств правового механизма: его цель, результаты и правовые средства [4, с. 57].

Динамический характер правового механизма отстаивал М. Ю. Осипов. Указанный автор включал в структуру механизма реализации права такие элементы, как норма права, индивидуальное предписание, юридический факт, правоотношение, акты реализации прав и обязанностей. Кроме того, автор отмечал, что поскольку любая деятельность опосредуется конкретным поведенческим актом, в рамках которого она и реализуется, особое значение в рамках механизма правового регулирования принадлежит правоотношениям сторон, находящимся в процессе динамического развертывания [5, с. 123].

Кроме того, в структуру правового механизма некоторые авторы также включают: правовые нормы; правовой статус участников; правоотношения, в том числе по лицензированию, аттеста-

ции и аккредитации, саморегулированию; договор как форму организации процесса взаимодействия сторон; юридическую ответственность; акты правоприменения [6, с. 108].

Как думается, правовой механизм может быть рассмотрен и в статике как совокупность составляющих его содержание элементов, и в динамике как процесс последовательного прохождения каждого этапа правового механизма. Тем самым правовой механизм охватывается комплексом средств, призванных своими действиями способствовать достижению стоящих перед объектом воздействия задач посредством упорядочивающего воздействия на имевшиеся в обществе явления и процессы. Он представляет собой систему юридических средств: норм права, индивидуальных предписаний, юридических фактов, правоотношений, актов реализации прав и обязанностей, актов правоприменения, общих и специальных гарантий.

В общей теории государства и права, отраслевых юридических науках понятие механизма реализации прав также является неоднозначным. Так, в диссертации Т. Ю. Фалькиной «Формы реализации права и механизм их осуществления» правореализация рассмотрена как сложное явление, способное выступать и в качестве результата правового регулирования, и в качестве процесса претворения правовых предписаний посредством осуществления прав и обязанностей [7]. Автор разграничивает реализацию права с его применением, рассматривая второй термин в качестве более узкого, охватывающего деятельность уполномоченных органов в части обеспечения соответствующего процесса. В свою очередь, понятие «механизм реализации права» рассматривается как совокупность правовых средств, охватывающих такие элементы, как: деятельность субъекта права, публично-властная деятельность, опосредующих реализацию процедуры осуществления прав и исполнения обязанно-

стей и характеризующий уровень правового сознания и правовой культуры. Процесс же реализации права Т. Ю. Фалькина связывает с завершающим этапом правового регулирования. Как думается, нельзя отрицать, что реализация правовых норм связана с процессом их «перевода» в общественную практику, наделением статусом реально действующих. Без реализации норма права сохраняет свой формальный характер, не имея регулятивного значения.

По мнению Л. Н. Завадской, механизм реализации права охватывается влиянием субъектов права на государственную власть с целью перевода права во властные нормативные и индивидуальные акты [8].

Полагаем, механизм реализации права всегда имеет юридическое и фактическое основания, т. е. данный механизм не может существовать без норм права и правомерного поведения субъекта. В рамках подобных представлений именно механизм реализации обеспечивает дальнейшую динамику правового воздействия на общественные отношения. Юридическое основание механизма реализации права составляют правовые нормы, охватывающие правила применения юридических средств воздействия на общественные отношения, приводящие в последующем этот механизм в движение. Что касается фактического основания, то в его основе лежат юридические факты, предусмотренные правом и обладающие в этой связи юридическим значением. Тем самым в правовой доктрине механизм реализации права связывается с осуществлением субъектом активных дозволенных законом действий, обеспечивающих претворение в жизнь правовых норм. Основой для конструирования механизма реализации выступают положения писаного права, в соответствии с которым субъект строит свои поведенческие акты.

Однако по мере расширения возможностей цифровой экономики и появ-

ления новой цифровой реальности роль и значение позитивного права как регулятора общественных отношений перманентно снижается. Концепция механизма реализации права нуждается в переосмыслении в отношении новых объектов гражданского права, отличающихся значимой спецификой.

Объектом, ярко демонстрирующим повышение возможностей к самоорганизации членов общества и их способностей к саморегулированию, выступает цифровая валюта. Сложно поспорить с тем фактом, что, конструируя нормы права, законодатель стремится обеспечить регламентацию общественных отношений по наиболее благоприятной для себя модели. В подобных условиях ключевая цель правового регулирования общественных отношений связана с воплощением содержания юридических норм, существующих в объективной форме, в реальное поведение субъектов. Здесь механизм реализации прав определяется как взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения. Именно посредством такого механизма происходит выявление возможных сбоев, правовых дефектов, препятствующих реализации норм позитивного права.

По мере расширения частноправового начала во всех сферах общественной жизни стали предприниматься попытки расширить представления о механизме реализации гражданских прав, сопровождающиеся поиском особого места в структуре механизма индивидуальных актов. Появление принципиально новых феноменов «цифрового общества», в том числе преследующих достижение либертарианских идеалов максимально возможного сужения пределов государственного вмешательства, создания условий для подлинно свободной экономики, актуализировало запрос на выявление особенностей механизма реализации прав применительно к таким феноменам. Од-

ним из таких феноменов выступает цифровая валюта, существующая в обороте в условиях крайне ограниченных возможностей публично-правового регулирования и в значительной мере за пределами правового поля. Учитывая данные обстоятельства, следует проследить значимые особенности механизма реализации прав на цифровые валюты, позволяющие выявить существенные отличия от механизма реализации прав в отношении прочих традиционных объектов гражданского права. Причины тому обусловлены принципиально новой сущностной природой криптовалют, связанной с ее обезличенностью, отсутствием фиксации собственника и невозможностью получить подтверждение о наличии у того или иного субъекта прав на нее. Учитывая данные обстоятельства, механизм реализации прав в отношении цифровой валюты должен быть приспособлен к указанному объекту. Для этой цели следует остановиться на особенностях, присущих механизму реализации прав в отношении цифровых валют:

1. Как было отмечено ранее, основным элементом механизма реализации прав выступают правовые средства [9, с. 45], под которыми понимается совокупность различных юридических механизмов, использование которых в практической деятельности приводит к решению стоящих перед людьми задач. Однако механизм реализации прав в отношении цифровой валюты неверным будет увязывать исключительно с юридическим инструментарием, поскольку степень его регулятивного значения в отношении последней не является определяющей.

Так, базовой технологической составляющей цифровой валюты выступает технология блокчейн, которая представляет собой структурированную непрерывную последовательность блоков, содержащих информацию. А. А. Ситник верно подмечает, что «говоря о блокчейне, в первую очередь подразумевают

криптовалюты, а говоря о криптовалютах – ее разновидность, биткоин» [10, с. 43]. Важное место в структуре блокчейна занимает так называемый первичный блок. В нем, в отличие от остальных блоков цепочки, отсутствует информация о предыдущем родительском блоке. Все остальные блоки состоят из заголовка и списка транзакций. Заголовок блока включает информацию о предыдущем блоке, информацию о текущем блоке и некоторую служебную информацию. Транзакция же понимается как минимальная операция, которая считается подтвержденной, если проверены ее формат и подписи.

Основным преимуществом применения технологии блокчейна является безопасность осуществляемых операций. Все проводимые транзакции не только прозрачны, но и подвержены множественному копированию. Таким образом, у любого участника процесса имеется возможность просмотреть информацию других транзакций, вся цепочка транзакций дублируется и хранится в зашифрованном виде у каждого участника. Технология блокчейна децентрализована, т. е. не имеет единого центра управления, взломав который возможно нарушить весь процесс. Благодаря множественному копированию даже при взломе большинства компьютеров хотя бы на одном останется информация обо всей цепочке блоков. Одновременное хранение блоков у всех участников процесса не позволяет несанкционированно изменить один из блоков, что является несомненным преимуществом данной технологии в сфере защиты информации [11, с. 142].

Анализ технологической составляющей, лежащей в основе цифровых валют, позволяет прийти к выводу, что технология блокчейн как особая технологическая среда подменяет в рамках механизма реализации прав на цифровые валюты некоторые юридические средства. К примеру, отсутствует необходимость публичного нормативного регулирования про-

цесса перехода прав в отношении цифровой валюты, поскольку данный аспект обеспечивается непосредственно на основе функционирования самого реестра распределенного доступа. Взамен прямого нормативного регулирования для конструирования данного механизма действует система саморегулирования, что исключает необходимость любого посредничества.

2. Отличаются и представления о доверии как основе всех процессов правового взаимодействия. По общему правилу, вступая в правоотношения, в том числе заключая различные сделки, стороны доверяют друг другу, а основой такого доверия выступает подтверждение участниками собственной право- и дееспособности, отсутствие пороков воли, соблюдение формализованных правовых процедур. Кроме того, в случае обнаружения предусмотренных гражданским законодательством оснований недействительности сделок субъект имеет возможность прибегнуть к тем или иным формам защиты своих прав, отраженных в соответствующем охранительном правовом инструментарии.

Однако технология блокчейн, если не устраняет, то в немалой степени подменяет правовой инструментарий собственными технологическими возможностями. Так, доверие участников взаимодействия в отношении цифровой валюты обеспечивается не требованиями к формальной легитимации и соответствию воли и волеизъявления сторон в рамках сделки, а особыми свойствами самой информационной саморегулируемой системы, а именно ее конфиденциальностью, надежностью, предвосхищаемостью.

Вышеизложенные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что основой функционирования механизма реализации прав в отношении цифровой валюты выступают не правовые средства как предусмотренные нормами права и обусловленные определенными целями и задачами инструменты правового регули-

рования, а юридико-технологические средства, поскольку в рамках данных правоотношений значительное число фундаментальных юридико-значимых явлений и процессов подменяются технологической составляющей. В указанных условиях происходит замещение прежде фундаментальных правовых инструментов конструктами, функционирующими на основе специальным образом организованных технологий. Так, Ю. С. Харитоновой, Л. В. Санниковой отмечается, что основой для формирования доверия в рамках «цифрового оборота» [12; 13] выступает технологически нейтральная система распределенного доступа, что отличается от доверия в рамках традиционного гражданского оборота, основой которого выступает соблюдение базовых гражданско-правовых принципов.

3. Важной особенностью механизма регулирования прав в отношении цифровых валют выступает так называемый низкий регулятивный потенциал правовых норм, что обусловлено наличием «слепых зон», недоступных для законодательной регламентации ни императивными, ни диспозитивными методами, ни какими-либо прочими специальными правовыми средствами. Основная цель конструирования цифровой валюты связана с созданием особого частного средства накопления, сбережений и расчетов. Отсутствие широких возможностей в части правового контроля за отношениями с участием цифровой валюты переводит процесс ее легализации в формат «доброй воли» индивида, который несмотря на наличие законодательных норм (запретов и ограничений) в значительной степени свободен от предписаний.

Так, анализ нормативного регулирования процедуры банкротства обнаруживает положение о том, что цифровая валюта является имуществом (ч. 2 ст. 2 Федерального закона №127-ФЗ)¹. Примеча-

тельно, что после закрепления данного положения судебная практика приобрела большую последовательность. До внедрения указанного законодательного регулирования суды в целях обеспечения баланса интересов кредиторов и должников нередко применяли аналогию закона в целях оценки криптовалюты в качестве иного имущества². Однако на практике включение цифровой валюты в качестве иного имущества в банкнотные процедуры возможно только в случае активного содействия должника указанному процессу. Если же последний будет активно препятствовать в получении судом, арбитражным управляющим или должниками информации о наличии у него криптовалютного кошелька, повлиять на него правовыми средствами в условиях существующей законодательной базы будет практически невозможно. Брачно-семейное и наследственное законодательство также не содержит никаких указаний по поводу цифровой валюты в качестве объекта регулирования, что, однако, означает и отсутствие каких-либо запретов в данных областях.

Тем самым установление максимально подробного законодательного регулирования в отношении цифровой валюты в различных сферах общественной жизни на данном этапе развития технологий не приведет без желания индивида к возложению на него обязанности этому регулированию подчиниться, т. к. сможет обойти существующие предписания. В подобных условиях основной регулятивный потенциал приобретает технологическая составляющая процесса, а именно технология блокчейн, в то время как пра-

22.08.2021]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331 (дата обращения: 12.07.2021).

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09 АП16416/2018 по делу № А40-124668/2017 URL: http://www.consultant.ru/document/cons/cgi/online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 12.07.2021).

¹ О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ: [ред. от 02.07.2021: с изм. и доп., вступ. в силу с

вовая составляющая действует субсидиарно, корректируя правоотношения при наличии явно выраженного волеизъявления субъекта подчиниться правовым предписаниям.

4. Поскольку нами был сформулирован вывод о преобладании в механизме реализации прав в отношении цифровой валюты технологической составляющей и волевых актов индивидов, которые своими действиями обеспечивают переход отношений в правовое русло или отказ от такого перехода, можно отметить, что традиционные представления в отношении того, что основным элементом механизма реализации прав выступают нормы позитивного права, не в полной мере соответствует особой юридико-технологической природе цифровых валют. В этой связи можно сформулировать следующий вывод: механизм осуществления прав в отношении цифровой валюты характеризуется иным сочетанием элементного состава. Основным элементом выступают юридические факты, вспомогательным – нормы позитивного права, действующие за пределами «слепых зон».

5. Нельзя не отметить, что правовая основа, выраженная законодательными нормами, находится на этапе своего активного становления. При этом указанному процессу еще далеко до своего логического завершения. Однако задача сформировать переходную правовую базу, обеспечивающую стабильность и последовательность, а также предсказуемость правового регулирования, стоит в настоящий момент крайне остро. В данном случае особая нагрузка возлагается не на прямое законодательное регулирование, а на базовые правовые принципы, которые взамен отсутствующей нормативной основы выполняют задачу правовой регламентации отношений сторон. Анализ судебной практики в рамках исследуемой тематики позволяет отметить, что в условиях ограниченных возможностей правовой регламентации именно

гражданско-правовые принципы используются для приспособления новых конструкций к уже существующей правовой системе.

Так, в мае 2018 г. Девятый арбитражный апелляционный суд, руководствуясь принципами разумности и добросовестности, пришёл к выводу о необходимости включения криптовалюты и токенов наравне с другими объектами гражданских прав в конкурсную массу. В решении было отмечено, что отсутствие упоминания в законе криптовалюты и токенов не должно приводить к ущемлению прав кредиторов. В противном случае создается прецедент для недобросовестного поведения должников, которые будут «переводить» свое имущество в криптовалюту и токены для предотвращения обращения взыскания на данные активы¹. Тем самым в случае явной диспропорциональности интересов сторон, участвующих в отношениях с цифровой валютой, именно принципы добросовестности и справедливости становятся регуляторами соответствующих отношений сторон. Применяя их в подобном качестве, суды обеспечивают баланс правовых интересов всех участников.

Однако если «перевеса» в чью-то пользу не наблюдается, к примеру, в случае совершения обычных сделок с цифровыми активами, например, в целях получения дохода от изменения курсовой стоимости, принципы добросовестности и справедливости становятся своего рода «мерилом» поведения субъектов. При отсутствии существенных злоупотреблений вкупе с собственным свободным волеизъявлением государство приходит к выводу о нецелесообразности публичного вмешательства.

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 N 09АП-16416/2018 по делу N А40-124668/2017. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_cgi/online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061 (дата обращения: 12.07.2021).

Так, решением Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 13 июля 2018 г. по делу № 2-2379/2018 было отказано в удовлетворении исковых требований истца. Полякова С. А. обратилась в суд с иском к Тазетдинову И. Р. о взыскании неосновательного обогащения, указав, что она перевела денежные средства в размере 90 000 рублей ответчику. При этом договорные отношения между сторонами отсутствуют, истец с ответчиком не были знакомы. Правоприменитель отметил, что в силу ст. 1 Гражданского кодекса РФ гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты. Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе¹. Правовые принципы в данном случае выступают в роли переходного элемента механизма реализации в пределах позитивного права.

6. Специфика исследуемого механизма также проявляется в наличии особенностей, присущих юридическим фактам. Юридические факты в праве чаще всего рассматриваются как конкретные жизненные обстоятельства, которые в соответствии с правовыми положениями наделяются ролью основания для наступления правовых последствий. Именно юридический факт является приводящим юридическую норму в действие рычагом, влекущим наступление правовых последствий [14, с. 50]. Выступая в качестве элемента механизма правового регулиро-

вания, юридические факты являются основаниями возникновения соответствующего правоотношения – в его статическом смысле, а в динамическом плане – основанием для трансформации соответствующего правоотношения [15, с. 178]. Однако в отношении цифровой валюты как особого юридико-технологического объекта юридические факты могут быть реализованы исключительно в условиях наличия промежуточного элемента – в рамках функционирования системы распределенного доступа, особого электронно-цифрового формата, обеспечивающего новую конструкцию бестелесных цифровых вещных прав, основой которых выступает возможность самостоятельного распоряжения указанным объектом без участия третьих лиц.

7. Особенности могут быть прослежены и в отношении субъектного состава. Субъекты отношений, связанных с обращением цифровой валюты, находятся в абсолютных отношениях, охватывающихся особыми правовыми связями, существующими исключительно в пределах технологической системы распределенного доступа, участники которых выступают в качестве носителей прав и обязанностей. Особенности прослеживаются и в отношении так называемой легализации «правосубъектности» индивидов. Подчеркивается, что способы идентификации и аутентификации участников оборота в сети Интернет существенно отличаются от идентификации юридических и физических лиц в классическом гражданском обороте. Применительно к последнему основанием для идентификации субъектов выступают персональные данные, которые размываются в отношении оборота с участием цифровой валюты. Процесс вступления участников в правоотношения по поводу цифровой валюты сопровождается использованием особых инструментов идентификации, включающем не персональные данные (как это имеет место в традиционных гражданско-правовых отношениях), а цифровые обо-

¹ Решение Центрального районного суда г. Тольятти Самарской области от 13 июля 2018 года по делу № 2-2379/2018. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3ajKrZgtn8r8/> (дата обращения: 12.07.2021).

значения, вымышленные имена или иные цифровые идентификаторы [16, с. 72].

Тем самым участниками гражданских правоотношений с цифровой валютой являются не граждане или юридические лица, а «квазисубъекты», которые вступают в правоотношения с использованием особых инструментов идентификации, включающих не персональные данные (как это имеет место в традиционных гражданско-правовых отношениях), а особые цифровые обозначения, вымышленные имена или иные цифровые идентификаторы; посредством указания IP-адреса, обменом файлами cookie и IP-протоколом, присвоением цифрового кода каждой транзакции или участнику распределенного (блокчейн) реестра, с допускаемым сокрытием индивидуальных данных о том или ином субъекте.

8. Кроме того, процессы взаимодействия субъектов в сети Интернет регулируются не только на основе существующих правовых актов, но и на основе частных правил той или иной сети распределенного доступа, сформулированных сторонними участниками, не обладающими статусом субъектов правоотношений в сети Интернет, но опосредованно участвующими в них посредством формулирования базовых положений, касающихся передачи данных и организации процессов взаимодействия (например, владельцы сайта либо операторы технологической онлайн-платформы (агрегатором)).

Таким образом, сложившаяся в российской правовой доктрине концепция правовых механизмов не в полной мере соответствует некоторым новым объектам гражданского оборота, поскольку закрепляет трактовку последнего как централизованную модель воздействия позитивного права на общественные отношения. Следует согласиться с представлениями авторов, считающих, что применительно к цифровой экономике в правовой доктрине подчеркивается, что данный механизм следует рассматривать не

как «линейную совокупность юридических средств, а как многомерную систему организации и взаимосвязей элементов, обеспечивающих сохранение основных свойств и функций механизма при осуществлении различных форм правового воздействия на цифровую сферу экономической деятельности» [17, с. 143].

Традиционные представления о механизме реализации прав нуждаются в уточнении в условиях происходящего в «цифровой экономике» сращивания информационно-технологической и правовой сфер. Отмечается, что механизм реализации прав в отношении цифровой валюты не только не ограничивается элементами позитивного права, основой для его конструирования выступают юридические факты, являющиеся основными, а не вспомогательными средствами в соотношении с законодательными нормами. Правовые принципы в данном случае выступают в роли переходного элемента механизма реализации в пределах позитивного права. Основная цель механизма регулирования правоотношений связана с приспособлением традиционных правовых норм к новым технологическим реалиям с их широкими и порой неограниченными возможностями оказаться за пределами такого регулирования. В указанных условиях перспективной формой регулирования представляется снижение степени государственно-властного воздействия и прямого регулирования путем его замены на более гибкие регулятивные формы, в основе которых должны лежать методы стимулирования в целях сохранения общеправовых концептуальных положений и общего вектора регулятивного воздействия.

Выводы и рекомендации

Механизм реализации прав в отношении цифровых валют отличается наличием обширного сектора внеправового регулирования. В данной сфере наблюдается наличие противоречий между классическими правовыми представлениями о

«правосубъектности», свободе воли, ответственности воли волеизъявлению и теми формализованными требованиями, которые предъявляет система распределенного доступа к действиям субъекта. Переходный характер механизм реализации прав в отношении цифровой валюты предполагает приспособление существующего правового базиса к технологической реальности посредством расшире-

ния роли и значения общеправовых принципов и норм. Однако подобное регулирование отличается низкой степенью предопределенности и стабильности. В целях преодоления подобных негативных проявлений необходимо взамен запретов и ограничений на оборот цифровой валюты использовать различные инструменты поощрения к легализации указанного объекта в гражданском обороте.

Список литературы

1. Родионова О. М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 502 с.
2. Васильева Н. В. Система правового регулирования. Омск: Омск. акад. МВД России, 2017. 115 с.
3. Гончаров В. В., Пефтиев И. И. О некоторых вопросах конституционно-правового механизма реализации гражданами Российской Федерации права на альтернативную гражданскую службу // Юридический мир. 2010. № 7. С. 45.
4. Малько А. В. Механизм правового регулирования // Правоведение. 1996. № 3. С. 57.
5. Осипов М. Ю. Теория социально-правовых процессов. М.: NOTA BENE, 2011. 299 с.
6. Пономарев М. В. Правовой механизм экологического аудита // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 106–110.
7. Фалькина Т. Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 25 с.
8. Завадская Л. Н. Механизм реализации права. М.: Наука, 1992. 288 с.
9. Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 45 с.
10. Ситник А. А. Технология блокчейн в платежных системах // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 5. С. 43.
11. Бегларян М. Е., Добровольская Н. Ю. Блокчейн-технология в правовом пространстве // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. №2 (40). С. 108–112.
12. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М.: 4 Принт, 2020. 304 с.
13. Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые финансовые инструменты для социализации частного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 209–223.
14. Боруленков Ю. П. Юридический факт как образ обстоятельства реальной действительности // Юридический мир. 2013. № 10. С. 122–126.
15. Разбейко Н. В. Юридический факт как элемент механизма правового регулирования // Вестник института экономических исследований. 2017. № 3. С. 178–185.
16. Родимцев М. Ю. Регулировать нельзя манипулировать (о рисках информационного общества) // Государство и право. 2016. № 7. С. 67–72.
17. Шатковская Т. В., Епифанова Т. В., Вовченко Н. Г. Трансформация структуры механизма правового регулирования в условиях цифровой экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 142–146.

References

1. Rodionova O. M. Pravovye formy realizacii volevyh otnoshenij v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya. Diss. kand. jurid. nauk [Legal forms of the implementation of volitional relations in the mechanism of civil law regulation. Cand. legal sci. diss.]. Moscow, 2017. 502 p.
2. Vasil'eva N. V. Sistema pravovogo regulirovaniya [The system of legal regulation]. Omsk, Omsk. akad. MVD Rossii Publ., 2017. 115 p.
3. Goncharov V. V., Peftiev I. I. O nekotoryh voprosah konstitucionno-pravovogo mekhanizma realizacii grazhdanami Rossijskoj Federacii prava na al'ternativnuyu grazhdanskuyu sluzhbu [On some issues of the constitutional and legal mechanism of realization by citizens of the Russian Federation of the right to alternative civil service]. *Yuridicheskij mir = Legal World*, 2010, no. 7, pp. 45.
4. Mal'ko A. V. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya [Mechanism of legal regulation]. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1996, no. 3, pp. 57.
5. Osipov M. Yu. Teoriya social'no-pravovyh processov [Theory of social and legal processes]. Moscow, NOTA BENE Publ., 2011. 299 p.
6. Ponomarev M. V. Pravovoj mekhanizm ekologicheskogo audita [The legal mechanism of environmental audit]. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2010, no. 8, pp. 106–110.
7. Fal'kina T. Yu. Formy realizacii prava i mekhanizm ih osushchestvleniya. Avtoref. diss. kand. jurid. nauk. [Forms of realization of the right and the mechanism of their implementation. Cand. legal sci. abstract diss.]. N. Novgorod, 2007. 25 p.
8. Zavadskaya L. N. Mekhanizm realizacii prava [Mechanism of implementation of the right]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 288 p.
9. Sapun V. A. Teoriya pravovyh sredstv i mekhanizm realizacii prava. Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk [Theory of legal means and mechanism of realization of law. Dr. legal sci. abstract diss.]. N. Novgorod, 2002. 45 p.
10. Sitnik A. A. Tekhnologiya blokchejn v platezhnyh sistemah [Blockchain technology in payment systems]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2021, vol. 16, no. 5, pp. 43.
11. Beglaryan M. E., Dobrovol'skaya N. Yu. Blokchejn-tekhnologiya v pravovom prostranstve [Blockchain technology in the legal space]. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 2 (40), pp. 108–112.
12. Sannikova L. V., Haritonova Yu. S. Cifrovye aktivy: pravovoj analiz [Digital assets: Legal analysis]. Moscow, 4 Print Publ., 2020. 304 p.
13. Sannikova L. V., Haritonova Yu. S. Cifrovye finansovyie instrumenty dlya socializacii chastnogo prava [Digital financial instruments for the socialization of private law]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Right*, 2021, no. 39, pp. 209–223.
14. Borulenkov Yu. P. Yuridicheskij fakt kak obraz obstoyatel'stva real'noj dejstvitel'nosti [A legal fact as an image of a circumstance of real reality]. *Yuridicheskij mir = Legal World*, 2013, no. 10, pp. 122–126.

15. Razbejko N. V. Yuridicheskij fakt kak element mekhanizma pravovogo regulirovaniya [Legal fact as an element of the mechanism of legal regulation]. *Vestnik instituta ekonomicheskikh issledovanij = Bulletin of the Institute of Economic Research*, 2017, no. 3, pp. 178–185.

16. Rodimcev M. Yu. Regulirovat' nel'zya manipulirovat' (o riskah informacionnogo obshchestva) [Regulate cannot be manipulated (about the risks of the information society)]. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2016, no. 7, pp. 67–72.

17. Shatkovskaya T. V., Epifanova T. V., Vovchenko N. G. Transformaciya struktury mekhanizma pravovogo regulirovaniya v usloviyah cifrovoj ekonomiki [Transformation of the structure of the mechanism of legal regulation in the digital economy]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Problems of Economics and Legal Practice*, 2018, no. 3, pp. 142–146.

Информация об авторе / Information about the Author

Туешова Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры гражданского права, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск, Российская Федерация,
e-mail: katyazueva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2641-0174

Ekaterina S. Tueshova, Post-Graduate Student of the Department of Civil Law, Ulyanovsk State University, Ulyanovsk, Russian Federation,
e-mail: katyazueva@yandex.ru,
ORCID: 0000-0003-2641-0174